

«Кривое зеркало» теории модернизации¹

Выдвинутая в эпоху Просвещения идея прогресса в XIX в. была взята на вооружение исторической наукой, а в XX столетии - всей совокупностью социальных наук под видом концепции «модернизации». В основе этой теории лежит взгляд на мир как на цепочку стран, находящихся на разных ступенях развития. Традиционно понятие «модернизация» рассматривается в трех аспектах. В первом, наиболее общем, смысле модернизация выступает синонимом всех прогрессивных социальных изменений, что применимо к любому историческому периоду. В социальных и политических науках термин «модернизация» носит оценочный характер и предполагает, что новые модели, идущие на смену старым, носят характер, отвечающий более современной ступени развития.

Второй смысл, который вкладывается в данное понятие, тождествен понятию «современности». Другими словами, обозначает комплекс социальных, политических, экономических, культурных и интеллектуальных трансформаций, происходивших на Западе с XVI в. и достигших своего апогея в XIX-XX веках. Сюда включаются процессы индустриализации и урбанизации, рационализации и бюрократизации, демократизации и доминирующего влияния капитализма, распространения индивидуализма и мотивации успеха, утверждение разума и науки и т.п. Модернизация в этом смысле означает процесс превращения традиционного общества в общество, для которого характерны машинная технология, рациональные и секулярные отношения, а также сильно дифференцированные социальные структуры. Основными категориями, в которых анализируются социальные и культурные изменения в рамках теории модернизации, являются категории «современный» и «традиционный», которые выдвинулись на первый план в начале 70-х годов XX века.

¹ *Опубликовано: Орлов И.Б. «Кривое зеркало» теории модернизации // Задавая вопросы прошлому... М.: ПРОБЕЛ-2000; Информационно-аналитический центр «Гуманитарий», 2006. С. 50-57.*

Есть еще третье, специфическое значение термина «модернизация», относящееся только к отсталым или слаборазвитым обществам. То есть, в этом случае понятие «модернизация» описывает движение от периферии к центру современного общества. Объявив США и Западную Европу носителями модерна, теория модернизации делает попытку объяснения того, как совершить психологические, культурные, социально-политические, институциональные и экономические изменения, чтобы направить на этот путь менее развитые страны. Таким образом, отразив сложившееся послевоенное разделение мирового сообщества на три «мира», классические теории модернизации сосредоточили свое внимание на контрасте между «первым» (развитые индустриальные общества Европы и США) и «третьим» (постколониальные общества юга и востока) мирами. В тоже время не учитывалось то обстоятельство, что теория столкнулась не с государствами, а с произвольными объединениями, получившимися в результате колониального нарезания территорий.

Несмотря на кажущийся нейтральный характер термина, модернизация понималась одновременно как процесс неизбежный (а, следовательно, необратимый) и необходимый, которому невозможно противостоять. Теория модернизации базировалась на постулате эволюционизма, декларировавшего не только однолинейность и необратимость изменений, но и их постепенный, накопительный и мирный характер. С другой стороны, модернизация трактовалась как процесс революционный (в силу радикальной и тотальной смены всех институтов, систем, структур общества и человеческой жизни), комплексный, системный (изменения одного элемента системы побуждают и определяют изменения в других), гомогенизирующий (современные общества в основных своих структурах и проявлениях одинаковы) и глобальный. Подчеркивая стадийную последовательность, протяженность и важность эндогенных, имманентных причин, утверждалось, что модернизация несет улучшение социальной жизни и условий человеческого существования, то есть имеет прогрессивный характер. Вне фокуса исследования оказывались те, кто оказался жертвой модернизационных

процессов, в частности крестьянство, как жертва индустриализации и секуляризации. В рамках теории модернизации время структурировалось вокруг прошлого, превращенного в скопище отживших форм, и настоящего, обращенного в будущее, которое характеризовалось разрывом с прошлым.² Более позднее описание современного государства звучало так: оно космополитично, мобильно, контролирует состояние окружающей среды, секулярно, приветствует перемены и характеризуется сложной системой разделения труда.

Следует заметить, что односторонность ранних концепций модернизации была осознана довольно быстро, поэтому критике подверглись ее принципиальные положения. Во-первых, было замечено, что понятия «традиция» и «современность», в сущности, ассиметричны и не могут составлять дихотомию. Зачастую между традиционными обществами больше различий, чем между каждым из них и современным обществом. Да и традиция предполагает не только наследование, но и изменение. Во-вторых, традиции и современность не исключают друг друга: любое общество представляет собой сплав традиционных и современных элементов. Более того, традиции не обязательно препятствуют модернизации, а могут и способствовать ей.

В-третьих, не всякий результат модернизации – благо, пример чего – большая часть современных государств Азии, Африки и Латинской Америки. Главная проблема, с которой столкнулись «модернизируемые» страны этих регионов, – зависимость от стран-доноров. Кроме того, развитые страны стимулировали в странах-реципиентах полезные им отрасли. Что, в свою очередь, препятствует развитию внутреннего производства и приводит к использованию развитыми государствами рынков «модернизируемых» стран для продажи своих товаров. Исторический пример такого рода дает

² Эмар М. Образование и научная работа в профессии историка. Современные подходы // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 14.

Аргентина, бывшая в начале XX века одной из пяти самых богатых стран мира.³

В-четвертых, модернизация не обязательно носит системный характер. Например, экономическая модернизация может осуществляться без политической. И, наконец, как оказалось, модернизационные тенденции могут быть обращены вспять. В этой связи возникает вопрос соотношения теории модернизации с изучением политической системы, культуры, социальной психологии и поведенческих стереотипов. Кроме того, эта модель совершенно игнорировала значение силовых факторов. Тогда как война во Вьетнаме и «холодная война» наглядно продемонстрировали, что в реальном мире решающую роль продолжает играть военно-политическая мощь.

То есть теория модернизации оказалась неспособной описать формы и динамику переходного периода. Несомненно, что модернизационная парадигма предоставляет наиболее широкие рамки-допуски интерпретации исторического процесса, так как в ее основе лежит идея развития. Дело в том, что теория модернизации, со всеми ее постулатами пришедшая из «modern society» Западной Европы и Северной Америки, никогда не была единой теорией, представляя собой совокупность концепций исторического развития. Существовали различные теории, и они конкурировали между собой, были модными какое-то определенное время. Да и сам термин «модернизация» различными авторами, среди которых Р. Арон, Д. Белл, Дж. Гэлбрейт, Р. Дарендорф, М. Леви, Д. Лернер, Д. Медоуз, У. Мур, У. Ростоу, О. Тоффлер, А. Турен и др., также понимался и понимается по-разному. Период популярности теории модернизации,⁴ представляющей собой

3

[http://www.i-u.ru/biblio/forsp.aspx?dictid=7&word=%cc%ce%c4%c5%d0%cd+\(MODERNITY\)](http://www.i-u.ru/biblio/forsp.aspx?dictid=7&word=%cc%ce%c4%c5%d0%cd+(MODERNITY))

⁴ Теории модернизации – теории, рассматривающие модернизацию как сложный глобальный процесс, протекающий во всех ключевых сферах жизнедеятельности общества и характеризующийся структурно-функциональной дифференциацией и образованием соответствующих форм интеграции (см.: http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RSluwoosuklwtong.oo).

порождение синтеза марксизма, постструктурализма и функционалистского методологического направления, пришелся на 1950-е - середину 1960-х гг.⁵

Социолог, политолог и антрополог, президент американского Совета по исследованиям в социальных науках и профессор Нью-Йоркского университета Крейг Калхун в лекции «Теории модернизации и глобализации: кто и зачем их придумывал?», прочитанной 17 января 2006 г. в Институте общественного проектирования, обратил внимание на то, любая социальная теория представляет собой результат конкуренции между различными школами, борьбы общественное внимание и политическое влияние, за ресурс в академической среде. Не является исключением и теория модернизации, разработка которой в 1958-1972 гг. происходила в знаменитом Комитете по сравнительной политологии при Совете по исследованиям в социальных науках.⁶ Эта теория возникла в середине XX века в США, когда группа ученых самых разных специальностей пыталась найти универсальный рецепт непрерывного развития, который был бы применим к странам в любом состоянии и с любым культурным наследием. Одним из основных понятий этой теории было создание «современного государства» (modern state). То есть теория модернизации – это некий ярлык, обозначающий вполне определенный *идеолого-теоретический конструкт*, устанавливающий идеологические рамки дебатов.

Впрочем, теория модернизации не была чем-то теоретическим и абстрактным. Эта концепция несла в себе программу помощи и развития для разоренного войной мира, была фактическим *руководством к действию* для МВФ и Всемирного банка. В частности, частью этой программы был план Маршалла. В свою очередь, ранние институты европейской интеграции, созданные в русле плана Маршалла (например, Союз угля и стали), стали прямым следствием применения теории модернизации.

В 1950-е годы люди начали осознавать, что существуют современные и отсталые страны, в связи с чем возник вопрос о том, как привести отсталые

⁵ См. в частности работы М. Леви, Э. Хаген, Д. Лернера, Д. Аптера и Ш. Айзенштадта.

⁶ <http://ecsocman.edu.ru/db/msg/246355.html>

традиционные страны в современный мир? Это было основано на убеждении, что правительства и народы традиционных стран должны будут с энтузиазмом принять теоретические предсказания и политические предписания западных ученых. Понимание современности означало, что множество различных традиций, унаследованных из прошлого, должны быть сведены воедино и преодолены некой единой цивилизацией современности.⁷ Теория модернизации представляет собой проект американской либерально-центристской интеллигенции, идеологию победителей с Запада, который потребовалось отделить от нацизма, объявив последний традиционным движением и отделив его от современности. Сыграла свою роль и проблема деколонизации в третьем мире. После Второй мировой войны в повестку дня был поставлен вопрос о том, как интегрировать бывшие колониальные страны в новый мировой порядок. Кроме того, в условиях «холодной войны» понадобилась дополнительная теория, альтернативная модерну социализма.

При этом во времена становления теории модернизации каждая страна была независимым объектом анализа. Предполагалось, что каждая страна находится на большем или меньшем расстоянии от благосостояния Соединенных Штатов и Великобритании. В силу чего постулировалась гипотеза, что уровень развития и благосостояния зависит от того, насколько созрело население страны. При этом никто не думал о том, что существует мировой рынок, на который необходимо пробиваться, и который уже занят. Талкот Парсонс и Эдвард Шилз – два самых известных основателя этой школы, во время войны служившие в разведке и в аналитических отделах, после войны задумались над тем, каким образом мощь американского государства преобразовать в долгосрочное господство. Сюда же мы можем добавить антрополога Клиффорда Гирца и политологов Гэбриэла Алмонда и Сиднея Верба. В Европе эту теорию развивал Юрген Хабермас и чехословацкий эмигрант Эрнст Геллнер. То есть теория модернизации

⁷ В качестве критики этого постулата в 1960-е годы Шмуэль Айзенштадт в Израиле и Чарльз Тейлор в Америке предложили понятие «множественных современностей», в частности, по аналогии с западным модерном выдвинули концепт исламской современности.

развивалась очень небольшим числом людей, которые, тем не менее, находились в элитных университетах.

В 1970-х - начале 1980-х гг. теория была подвергнута сильнейшей критике (практически была уничтожена), чтобы в конце 1980-х «возродиться» под названием «неомодернизация» и «постодернизация».⁸ Но новой теории не возникло: появилось очень много культурологических теорий, теорий рационального выбора, но ни одна из них не говорит, как может развиваться мир.

Первый удар по теории модернизации был нанесен слева. Латиноамериканские экономисты Рауль Пребиш и Андре Гундер Франк, влиятельный «левый» социолог и будущий президент Бразилии Фернандо Энрике Кардозо указали на то, что развитие стран нельзя рассматривать изолированно. Оно в большей степени зависит от внешнего влияния, нежели от того, какое место страна занимает на «лестнице» прогресса. Они заявили, что страны Латинской Америки, несмотря на колоссальную помощь от Соединенных Штатов, оказались в ловушке отсталости. Модернизация должна была покончить с отставанием и, следовательно, со слаборазвитостью. Но, как выяснилось уже в следующее десятилетие, не покончила. Попыткой объяснения этой ситуации и стали концепции «зависимого развития» (от США и глобальных институтов), чьи авторы ввели понятие «зависимого» или «периферийного» капитализма, принципиально отличного от капитализма «центра» и неспособного к самостоятельному развитию.

Критику слева подхватил Иммануил Валерстайн, чья теория миросистемной перспективы возникла, в основном, из французских учений (историка Фернана Броделя и антрополога-марксиста Клода Меесу). Исходным пунктом мир-системного подхода стали концепции зависимости. Он возник, как реакция на неспособность популярных на Западе теорий модернизации решить проблемы современного мира, и в первую очередь - разницы в уровне развития между «первым» и «третьим» мирами. Теории

⁸ Штомпка П. Социология социальных изменений. Пер с англ. М., 1996. С. 170-171.

модернизации утверждали, что эти миры соотносятся как две стадии развития. То есть «традиционные общества» третьего мира должны пойти по западному пути и превратиться в «современные общества». Тогда как критерием мир-системы является самодостаточность ее существования.⁹

«Левые» веберянцы попытались восстановить первоначального Макса Вебера с его довольно критическим взглядом на современность, бюрократию и структуру господства. Но по Веберу, главным источником модернизации является протестантская религия с ее особой этикой и системой ценностей. Но как в таком случае объяснить динамическое развитие католических стран? Остается предположить, что католические западные общества имели собственные нерелигиозные факторы развития. Кроме того, Вебер увидел в Азии только трудно трансформируемое традиционное общество. Однако в 1960-1980-е гг. страны Юго-Восточной Азии активно включаются в модернизационный процесс: сначала Япония, которая успешно конкурирует со странами Запада в экономической и технологической сфере, затем и другие страны этого региона. Успешность модернизации в этом регионе достигалась тем, что она осуществлялась на собственной культурной основе и традициях.

Критиков справа представляли в основном неолибералы, ставшие знаменитостями сначала на Востоке. Например, молодой, никому не известный профессор из Гарварда Джеффри Сакс сделал себе имя в Соединенных Штатах, сумев уговорить российских руководителей принять его теорию шоковой терапии. Эта линия соответствует представлению Гарварда о его высокой миссии. Если неолибералы были, в основном, экономистами, то затем пришли политологи демократизации, которые создавали теории демократической трансформации стран, бывших раньше диктатурами. В это же время возникает и третья реакция на теорию модерна, наиболее ярко выраженная в книге Сэмюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций». Автор выступил с культурологической позиции, считая, что у каждой нации есть национальный дух, который он объединял в некие

⁹ http://www.situation.ru/app/j_art_825.htm

региональные группировки под названием «цивилизации». Он утверждал, что именно культура, которую называют цивилизацией, определяет все в человеческом поведении. Однако, ни у кого из представителей этих трех волн (экономической, политологической и культурологической) не было даже намека на то, что необходимо принимать во внимание различные силы и институты для понимания мира.¹⁰ Другими словами, несмотря на то, что теория модернизации вышла из моды, ей до сих пор не найдено равноценной замены.

Более того, в начале 1990-х гг. теория модернизации пережила второе рождение. Ее сторонники заявили, «холодная война» и сопутствующие ей процессы были всего лишь исключением из правил. У новой «волны» появился и новый словарь, в котором одним из базовых категорий стала «глобализация». При этом высказывались сомнения, как в применимости теории модернизации ко всем народам (Хантингтон), так и в наличии универсального пути модернизации (неолиберальные идеи *multiple modernity*). Возникла и еще одна очень популярная сегодня **неотрадиционная теория**, в рамках которой в России, Китае, Сингапуре и других государствах пытаются сочетать понятия «традиционность» и «современность».¹¹ Подразумевается, что культурные ценности и социальная интеграция должны быть основаны на традиции, а экономическое и технологическое развитие должно основываться на мировых стандартах. То есть на первое место выходят механизмы социальной и духовной мобилизации общества.

Как мы видим, модернизация (и выросшая из нее глобализация)¹² выступают для Запада проблемой собственной идентичности, а для США - определенным видом идеологии, обосновывающей лидерство США в послевоенном мире. Она предполагала, что существует некий универсальный «ключ», что неверно эмпирически и непродуктивно теоретически. Эта

¹⁰ <http://www.inop.ru/reading/page68/>

¹¹ Эксперт. 2006. №7. 20 февраля.

¹² Даже небольшой исторический экскурс показывает, что глобализация – это лишь новая «обертка» для послевоенной версии теории модернизации.

«аксиома» не подвергает сомнению идеологическое предположение о том, что все человечество должно стать современным и, в результате, похожим на американцев.

Впрочем, дело не только и не столько в критике теории модернизации. Проблема состоит в освещении ряда вопросов, которые в рамках этой теории по-прежнему остаются не только без ответа, но и без внимания. Все то, что отрицает теория модернизации (например, религию или национализм), является современными продуктами, а не атавизмом прошлого.